

Из манчестерской букинистической лавки пришла посылка с трехтомником про Бразилию, написанным французом по фамилии Дебре, который побывал там в начале девятнадцатого столетия. Книга нам очень понравилась, в ней было полно чудесных цветных литографий. Но папа так и не написал маме, поэтому мы сели в поезд на вокзале Уэверли, не зная, что нас ждет в Лондоне. Мы уверяли маму, что не только не имеем ничего против неопределенности, но и наслаждаемся ею, и это не так уж сильно отличалось от правды. Проснувшись ночью в вагоне, я увидела, что мама пребывает в состоянии иступленной решимости. По моде того времени женщины носили небольшие шляпы, сидевшие на головах, будто лодки, которые затейливо пришвартовали к подбородку вуалю, полностью закрывавшей лицо. Мамина вуаль была кое-где разорвана, и дыры приходились на самые неудачные места. Нос, казавшийся теперь, когда она так исхудала, похожим на клюв, вечно высовывался в одну из прорех, и она снова и снова безуспешно пыталась сдвинуть вуаль, дергая за узел под подбородком. Пожалуй, мама была почти лишена женской грации. Но она энергично шевелила губами, время от времени царственно вскидывала голову и сверкала глазами. Она явно репетировала сцену триумфа, которая предстояла нам в Лондоне, и походила на бесстрашную орлицу. Наконец она сняла

шляпу, чего не делала до сих пор только потому, что та была частью ее ночного костюма, откинулась на спинку сиденья и уснула среди своих спящих детей, не сломленная тяготами, притягивающая любопытные взгляды, словно бродячая артистка.

Когда мы прибыли в Лондон, мама, вопреки своей обычной стремительности, руководила выгрузкой из поезда очень медленно и, разговаривая с носильщиком, украдкой оглядывалась по сторонам. Она надеялась, догадались мы, что папа будет ждать нас на перроне. Потом мама велела носильщику присмотреть полчаса за багажом, посчитав, что обязана напоить нас чаем с булочками, прежде чем мы пустимся в путешествие через весь город в Лавгроув. Буфет с большими застекленными окнами находился прямо на перроне. Мы нашли столик у окна, она усадила Ричарда Куина к себе на колени и стала поить его молоком, обшаривая взглядом толпу снаружи. Все смотрели на Ричарда Куина; после целой ночи в поезде, который, как и все поезда того времени, был черен от копоти, он казался чистеньким и в самом деле очень красивым — большие серые глаза с черными ресницами, белая кожа, светлые волосы, темные на кончиках. Он держался весело и умиротворенно. Пожилая женщина подошла и дала ему банан — очень редкий по тем временам фрукт, — и он с очаровательным кокетством его принял. Я не могла понять, почему мама так тревожится из-за папы, когда у нее есть Ричард Куин.

Наконец мама со вздохом сказала, что нам пора, и началась вторая, более унылая часть нашего путешествия. Через Темзу, которая показалась нам очень грязной, мы доехали в душном экипаже до другой станции, сели в очень медленный поезд, чей путь пролегал меж безобразных домишек, вышли на деревянной платформе, расположенной высоко над землей, спустились по потертым ступеням, дождались, пока нам подали кеб, и после долгой поездки остановились на перекрестке перед редакцией газеты, что разместилась в уродливом

викторианском особняке из желто-зеленого кирпича. Низ окон прикрывали черные сетки из конского волоса, на которых бледно-желтыми буквами было написано название газеты, что показалось нам некрасивым и вульгарным. Мама вошла в редакцию, поскольку договорилась, что там ей оставят ключ, и вернулась с очень уставшим видом.

— Они слышали что-нибудь о папе? — поинтересовалась я.

— Разве я могла спросить? — вздохнула мама, а Корделия нахмурилась и зашикала на меня. Кажется, храбрости у нас изрядно поубавилось.

Но потом кеб повез нас в другой район, где, к нашему изумлению, вдоль дорог и в садах высились деревья, много деревьев, — мы-то были уверены, что в Лондоне нет ничего, кроме зданий. Листья едва тронула позолота, а в садах из сырой, темной, словно сливовый пирог, земли росли японские анемоны, астры и хризантемы. Это место, богатое, влажное и свободное, так отличалось от Шотландии. Но потом кеб вывез нас на очередную безобразную улицу с домишками из красного кирпича, арочными дверями, украшенными желтой лепниной, и остроугольными эркерными оконцами с тюлевыми занавесками. Мы заворчали — нам хотелось жить там, где есть деревья. Но все обошлось. Мы всегда знали, что все будет хорошо. Домишки закончились, дорога расширилась, снова появились деревья и цветы, и кеб замедлился перед белым особняком, который сразу пришелся нам по душе. Я люблю его по сей день и не могу расстаться с мечтой когда-нибудь в нем поселиться, хотя во время Второй мировой войны его уничтожила бомба.

Впоследствии я видела дом много раз и позабыла, что первым бросилось мне в глаза в тот вечер. Дорога здесь заканчивалась, упираясь в высокую кирпичную ограду с коваными воротами, закрепленными на колоннах, на верхушках которых два грифона держали герб. Ворота были глухими, их подпирали просмоленные доски, и все это могло бы напугать,

но в действительности успокаивало — здесь нет никого, перед нами частная собственность. Справа виднелся аккуратный ряд из дюжины домов. Перед самыми воротами, по левую сторону от нас, стоял наш новый дом. На уровне второго этажа висела опрятная табличка с цифрами «1810», само здание обладало изяществом, характерным для своей эпохи. Над парадной дверью нависал портик, а затейливые нижние окна экзотической формы, выполненные в китайском стиле, за-слоняла веранда. Медные рамы окислились до тоскливой, мягкой, как дым, голубоватой зеленцы. Над окнами спален наверху располагались оригинальные резные сандрики, а еще выше, за балюстрадой, украшенной по обеим сторонам сентиментальными урнами, прятались мансардные окна. Дом был недавно окрашен, и мама пробормотала:

— Что значит эта краска, кто мог за нее заплатить? Уж не выставят ли нам за нее счет?

Она трагически указала на пристройку с широкими, призрачно-бледными из-за недостатка краски воротами, красной черепичной крышей, башенкой со сломанным флюгером и часами, показывавшими возмутительно неправильное время.

— Неужели мы собираемся держать карету? — произнесла она с иронией. — О, дом слишком велик. Что нам делать? Что делать?

— Все будет хорошо, — сказала Мэри.

— Конечно, все будет хорошо, — поддержала я. — Давайте войдем.

Мы побежали по дорожке, а мама с Ричардом Куином медленно последовала за нами.

— Какой хороший мальчик, — тяжело сказала она и повернула ключ в замочной скважине. Войдя в дом, она застыла, по-рыбьи распахнув рот, что ей совсем не шло. Одна из дверей, выходящих в маленькую прихожую, была приоткрыта, и из-за нее доносился скрежет. Мама — да и мы тоже — подумала,

что в дом забрался грабитель. Замешкавшись всего на секунду, она вбежала в комнату; Корделия, Мэри и я бросились за ней. У камина, сдирая перочинным ножиком обои над мраморной каминной полкой, стоял отец. Еще мгновение он продолжал свое занятие, затем убрал ножик, распахнул объятия и расцеловал маму в обе щеки. Мы встали полукругом вокруг них, Ричард Куин ползал у нас под ногами. Мама сияла, мы почувствовали себя в безопасности, спасенными от падения в бездну, потому что наш дорогой папа снова был с нами.

— Но, Пирс, как же ты попал сюда без ключа? Мне говорили, что ключ всего один, — сказала мама. — Я никак не ожидала!

— Я знаю дюжину способов проникнуть сюда, — ответил папа насмешливым тоном, который люди так ненавидели. — На сей раз я забрался через крышу каретника.

— Тебе знаком этот дом? Это... это ведь не тот дом, в котором ты когда-то гостил?

— Да, — подтвердил папа. — Это тот самый дом, где я гостил у двоюродной бабушки Уиллоуби. — Он отошел от камина, сложил ножик и сунул его в карман. — Да, это именно он. Раньше над каминной полкой располагалась плоская расписная панель, они скрыли ее под обоями, ума не приложу почему. Она была весьма хороша. Позже мы ее откроем. — Пощупав нож в кармане и окинув комнату одним из своих мрачных взглядов исподлобья, он продолжал: — Да, это Кэролайн Лодж, только никто его больше так не называет. Его построил для бабушки Уиллоуби ее богатый зять, живший в том большом доме за воротами. Теперь там Богословский колледж. А этот дом принадлежит моему кузену Ральфу. Он предоставил его мне.

— О, так вы с Ральфом снова друзья? — воскликнула мама.

— Нет, вряд ли, — сказал папа. — Но он позволил мне жить здесь.

— Как любезно с его стороны, — сказала мама, не теряя оптимизма. — Но не слишком ли он дорогой?

— Нет, дом превратился в развалину, и теперь, когда вокруг одни трущобы, никто не хочет жить здесь, — презрительно проговорил папа. — Но кое-что мы ему платим.

— Нам нельзя ни на день задерживать аренду, — с воодушевлением напомнила мама. Отец не ответил. — Ах, — воскликнула она, озираясь, — как приятно быть здесь и встретить тебя, а теперь, дети, давайте обойдем дом, в котором заживем так счастливо. Здесь есть хорошая комната для твоего кабинета?

Такое место в доме имелось. Папин кабинет разместился в квадратной клетушке в задней части дома, а смежную с ней комнату побольше, которая, даже будучи заставленной мебелью, выглядела изящно, отвели под гостиную. Мама распахнула французские окна, и мы встали подле нее на верхней ступеньке широкой чугунной лестницы, ведущей в сад. Квадратная лужайка, обрамленная цветниками, заканчивалась каштановой рощей, подсвеченной первыми золотыми и багряными листьями. Я помню эти буйные краски; как и мои сестры, я смотрела на открывающийся вид с благоговением. Мы знали толк в разочарованиях, мы скептически относились к любым начинаниям еще до того, как делали свои первые шаги, но этот дом подарил нам надежду. Больше того, он вернул нам детство. Папа, стоявший позади нас, посадил меня к себе на плечо, и я испытала такие гордость и восторг, словно не знала о нем ничего дурного. Эта радость не согревала, но все равно была великолепна; казалось, северное сияние баюкало и качало меня в небесах. Мама с упоением наблюдала за нами; когда наша семейная жизнь на земле становилась нормальной, она словно возносила в рай.

— Мама, грузчики сломали стул, — сказала Корделия из комнаты.

— Если они оставили нам хоть что-то, на чем можно сидеть, то нет повода для беспокойства, все равно вся эта мебель — дрянь, — рассеянно ответила мама.

Повеяло холодом, и я словно отяжелела на папиных руках. Мне, разумеется, пришлось рассказать Корделии и Мэри, что произошло с мебелью тети Клары. Но все мы так любили папу, что мамины слова почему-то показались хуже, чем его поступок, и мама тоже это почувствовала. Она с отчаянием повернулась к нему и весело, сквозь слезы, воскликнула:

— Покажи нам сад. Ты играл здесь со своим братом Ричардом Куином?

Папа пересадил меня на другое плечо и, по-старчески подволакивая ноги, повел нас вниз. Он кивнул на беспорядочные заросли на ограде и сказал, что это персиковые деревья. Корделия подбежала, откинула свисавшие длинной занавесью ветви и обнаружила под ними стройные стволы, за которыми раньше ухаживали. Мама вскрикнула от огорчения при виде их нынешней запущенности и выразила опасение, что эти деревья не принесут плодов. Отец не выглядел обеспокоенным. Он рассказал, какими большими и сочными были персики раньше и что за ужином им с братом всегда давали по одному на десерт со сметаной и сахаром.

— Мы назвали наших пони Сметанка и Сахарок, — сказал он. — На самом деле они принадлежали не нам, а старику из большого дома, он давал их нам, когда мы приезжали на каникулы. Но мы держали их здесь.

— В этой самой конюшне? — спросила мама.

— В этой самой конюшне, — ответил папа. Он запрокинул голову и, прищурившись, посмотрел на торчавшие из-за ограды разрушенные крыши. — «Померкнет все земное и пройдет...»*

* Цитата из христианского гимна «Пребудь со мной» Г. Ф. Лайта.

Он с усмешкой опустил меня на землю, подошел к двери в ограде и снова презрительно рассмеялся, когда проржавевшая щеколда сломалась у него в руке. Внутри оказался мощный зеленый двор, усыпанный пятнами ромашек, густо росших между булыжниками. Окружавшие его здания слепо глядели на нас окнами без стекол. Папа толкнул дверь, косо болтавшуюся на петлях, и неторопливо вошел в конюшню, где в солнечном свете танцевало еще больше пылинок, чем в той комнате в Эдинбурге, опустевшей без мебели тети Клары. Пол был усыпан жухлыми клочками соломы, по углам, словно сотни полочек, темнели старые бархатные паутины, за четырьмя стойлами виднелась еще одна дверь.

— Тут находился денник, — сказал отец, положив ладонь на эту дверь. — У бабушки Уиллоуби был сын по имени Джордж, морской офицер, и здесь держали его коня, черного мерина по кличке Султан. — Он с очень серьезным видом обернулся и с тревогой посмотрел на нас. — Корделия! Мэри! Роуз! Вы знаете, что ни в коем случае нельзя входить в денник? Нет ничего опаснее. Конь может мгновенно оказаться между вами и дверью, и, если он лягнет вас, вам конец. Вы должны помнить это всегда. Всегда.

Время от времени он давал нам такого рода советы, более уместные во времена его детства, и, кажется, в подобные моменты испытывал гордость за то, что в кои-то веки как следует выполняет отцовский долг.

Покидая столь опасное место, он сказал вполголоса маме:

— К слову, боюсь, то манчестерское дело не выгорело.

— Мне жаль, но разве следует придавать этому большое значение? У тебя и так хорошая должность, — мягко ответила мама.

— Здесь стояли Помпей и Цезарь, упряжная пара, — продолжал папа, кружа по конюшне. — Толстые старые жеребцы, у них были холеные серые шкуры в яблоках, блестящие, словно атлас, и они напоминали нам одно из бальных платьев

нашей матери. А здесь стояли Сметанка и Сахарок. Я ездил на Сметанке, а Ричард Куин — на Сахарке, как и наш брат Барри, когда изредка приезжал сюда. К тому времени он бросил школу Харроу и подался в Министерство по делам Индии. Обычно мы с Ричардом Куином гостили здесь вдвоем, и мне это нравилось, мы всегда здорово справлялись с парной упряжкой. И чудесно проводили время. В те дни за нами присматривал тот французский гувернер, о котором я рассказывал тебе, дорогая...

Он снова покинул нас, но, вопреки обыкновению, не ради очередного опасного путешествия, откуда возвращался не просто с пустыми руками, а понеся значительные потери. На сей раз он отправился в свое детство. Мы слушали с раскрытыми ртами, как если бы пели ему хвалебный гимн. Мама смотрела на него так, как смотрят на фейерверк. И вот уже вокруг нас стелется утренний туман другой поздней осени другого года. Из-за кори отец и его брат не смогли вернуться в Харроу к началу триместра, и им дали еще пару недель на выздоровление. Они много ездили верхом со своим гувернером-французом, которому для прогулок достался Султан. И это, казалось бы, не то затруднение, которое представляешь себе, когда слышишь о французе, вынужденном сидеть верхом на коне английского дворянина. Гувернер был выдающимся человеком из приличной бельгийской семьи и читал в Париже лекции по географии, но после *coup d'état** в 1851 году Луи-Наполеон изгнал его из Франции как атеиста и анархиста. Через несколько лет он познакомился с моей овдовевшей бабушкой, которая путешествовала, чтобы заглушить боль одиночества, и та предложила ему стать наставником ее сыновей, ошибочно полагая, будто его изгнали из Франции за приверженность протестантству и выступления против католицизма. Вскоре после того, как гувернер

* Государственный переворот (*фр.*).

прибыл к ней в графство Керри, он узнал об этом заблуждении и повел себя деликатно и достойно. В ее доме он ни на момент не выказывал своих истинных убеждений и учил ее сыновей азам классической литературы, французского языка и научного метода, не навязывая им никаких идей, помимо популярных в девятнадцатом столетии принципов гуманизма. Мой отец при всей своей жестокости вырос добрым человеком.

Все это я узнала позже. В то утро папа просто рассказал, что гувернер был ученым, а не страстным наездником, хотя и умел держаться верхом, что у Джорджа Уиллоуби, как и у многих других морских офицеров, имелись причины выбирать спокойных лошадей и что Султан почти не тренировался, пока его хозяин служил в море, и совершенно обленился. Он ходил вразвалку, и у гувернера не возникало с ним никаких трудностей, за исключением тех случаев, когда подопечные скрывались из виду, — Сметанка и Сахарок были стремительными, красивыми и энергичными животными, и владельцы регулярно тренировали их, когда мальчики уезжали в школу. Однажды гувернер разозлил братьев, заставив изрядно попотеть над ежедневными десятью строками из Вергилия — и это во время каникул! В отместку они в первые же несколько минут верховой прогулки оторвались от него на крутом повороте за мостом, пустив пони легким галопом вверх по холму. Сметанка и Сахарок были не только быстроногими, словно балетные танцоры, но и понимали все команды. Так что мальчикам удалось спешиться, увести пони с дороги, взобраться с ними по лесистой круче и заставить их стоять молча, пока по дороге внизу медленной рысью скакал гувернер, окликая своих подопечных по именам.

Я видела миниатюры с изображениями отца и его брата в том возрасте, они были очень красивы: оливковая кожа, горящие светлые глаза с длинными ресницами, темные волосы с золотистым отливом — они выглядели так, словно

неудачи никогда не настигнут их. Отношения между людьми по сути своей несовершенны. Даже будь папа лучшим из отцов, мне этого не хватило бы, чтобы им насытиться, узнать его полностью. Всегда существовала слепая зона, недоступная мне, — потерянное время, когда я еще не родилась, а папа уже существовал. Я не могла расти вместе с ним, не могла встать рядом с ним и его братом на колени в красную буковую листву, беззвучно смеяться, уткнувшись в шелковистые шеи пони, которые припали к земле и тяжело дышали, не могла видеть те тонкие серебристые стволы деревьев над ними, что тянулись ввысь, в синюю октябрьскую дымку.

Когда копыта Султана процокали мимо, мальчики рассмеялись в голос и повели пони на вершину, где обнаружили гористую местность, которую прежде никогда не видали. Перед ними были ворота, и, войдя внутрь, они оказались на какой-то ферме. Пожилая женщина в домашнем чепце распахнула окно и, окликнув их по именам, велела привязать пони во дворе и пригласила на свадебный пир. То была ферма под названием Пинчбэк-холл, и дочь фермера выходила замуж за молочника из Лондона. Мальчики послушались, вошли в один из сараев и увидели длинный стол, ломившийся от еды, за которым обычные люди сидели рядом со сказочными героями: мужчинами в суконных костюмах необыкновенного фасона и женщинами в высоких шляпах и клетчатых шالях. Дело в том, что жених, подобно большинству тогдашних лондонских молочников, был валлийцем. Папу настолько заворожили эти чудесные люди и еда, что он совершенно не запомнил молодоженов. Угощения казались проще и внушительнее, чем изысканные кушанья на столе его овдовевшей матери и пряные блюда, любимые бабушкой Уиллоуби, которая провела большую часть жизни в Индии. На тарелках лежали громадные куски мраморной говядины с широкими прожилками жира, свинина с восхитительными хрустящими, блестящими шкварками, огромные скрученные

языки, пироги с золотистой корочкой, сверкающие, словно сокровища, студни, воздушные силлабабы*, кувшины с густыми сливками, большие, словно жернова, сыры забытых сегодня сортов. Вокруг царило веселье: гости смеялись громче, чем казалось возможным, позднее мальчишки пытались повторить этот смех в конюшне. А после того как все насытились, пришло время песен. Поющие суррейцы представляли собой комичное зрелище — все, кроме одной юной, плоскогрудой, большеглазой девушки с костлявым тельцем, чей голос был сильным, томным и звучным.

— Интересно, что стало с ней потом, — сказал папа и на минуту задумчиво умолк.

Затем гости из Уэльса встали навытяжку, точно солдаты, и запели — голоса их гремели подобно морю, ветру и водопадам. Кто-то спросил мальчиков, умеют ли они петь. Мой отец не умел, он с раннего детства боялся, что если займется музыкой, то превратится в женщину. Но Ричард Куин любил петь и без стеснения затянул гимн «Я знаю, жив Искупитель мой», которому его научила тетя Флоренс еще до того, как разбила сердца своих родных, покинув Низкую церковь — подобно всем англо-ирландцам, родственники отца являлись ярыми приверженцами Низкой церкви — и вступив в женский орден мисс Селлон в Плимуте. У Ричарда Куина был красивый голос, а сам он, разумеется, был необыкновенно красивым ребенком. Гости за столом утирали слезы. Он собирался спеть еще, как вдруг в сарай с криками вбежал какой-то паренек, и все высыпало во двор в тот самый миг, когда по нему пронеслась красно-бурая вспышка, взметнув стаю кудахтающих кур.

— Наверное, славно быть лисом, — мечтательно сказал папа. — Быть лисом, убивать несчастных созданий и в конце концов стать жертвой охотника.

* Силлабаб — десерт традиционной английской кухни, приготовленный из взбитых сливок, сахара и белого вина.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

